

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИИН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

**комиссии специалистов-лингвистов
в форме научно-методической рецензии
на заключение экспертов**

А.П.Коршикова и А.М.Осокиной

№ 3/458 от 01.09.2019 г.,

**составленное по результатам исследований,
проведенных на основании постановления
следователя Габдулина Р.Р. от 22.08.2019 г.**

**по уголовному делу 11902450046000029
о назначении комплексной судебной экспертизы,
производство которой поручено экспертам
Института криминалистики ЦСТ ФСБ РФ**

г. Москва

«15» сентября 2019 г.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основания производства лингвистического исследования (научно-методического рецензирования):

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**
Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

• **запрос № 2/474 от 05 сентября 2019 г.** адвоката Соловьёва Леонида Алексеевича, имеющего регистрационный реестровый № 77/14828 в Адвокатской палате г. Москвы (119002, город Москва, переулок Сивцев Вражек, д. 43), и действующего в интересах подзащитного Жукова Егора Сергеевича, о проведении научно-методического рецензирования текста заключения экспертов А.П.Коршикова и А.М.Осокиной № 3/458 от 01.09.2019 г. по уголовному делу 11902450046000029 — в соответствии: с п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественных объединений и иных организаций; с п. 3 ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которому защитник также вправе собирать доказательства путём истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии;

• **приказ** председателя правления Региональной общественной организации «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)» проф. М. В. Горбаневского № 41/09-19э от 06.09.2019 г. о формировании комиссии специалистов-лингвистов для проведения научно-экспертных работ по запросу адвоката Соловьёва Л.А. от 05.09.2019 г.

Рецензирование выполнено комиссией специалистов-лингвистов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) в следующем составе:

- председателя правления ГЛЭДИС, действительного члена Гильдии, академика РАЕН, доктора филологических наук, профессора **Горбаневского Михаила Викторовича** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 001004 от 20.01.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности 44 года, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 079-01/17-сэ от 30.01.2017 г.,

выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 30 января 2017 г., протокол №57);

- члена Правления ГЛЭДИС, действительного члена Гильдии, начальника научно-методического отдела ГЛЭДИС, кандидата филологических наук **Жаркова Игоря Вениаминовича** (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 048-01/17-сэ от 30.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 30 января 2017 г., протокол № 55);

- действительного члена Гильдии, кандидата филологических наук, доцента кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова **Кара-Мурзы Елены Станиславовны** (специальность: «10.01.10 – Журналистика»), диплом кандидата филологических наук № ФЛ 009762 от 24.12.1986 г., стаж научной деятельности и работы по специальности – 38 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 051-01/17-сэ от 31.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 31 января 2017 г., протокол № 56);

- заместителя Председателя Правления ГЛЭДИС, члена Правления ГЛЭДИС, действительного члена Гильдии, доктора филологических наук, профессора кафедры массовой коммуникации филологического факультета Российского университета дружбы народов **Трофимовой Галины Николаевны** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г., стаж научной деятельности и работы по специальности - 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта №046-01/17-сэ от 28.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии

Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2017 г., протокол №53).

Научная и методическая литература:

1. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
6. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
7. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. проф. Е.Р. Россинской. — Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Престиж, 2005 г.;
13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004;
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. — М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007.

17. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
18. Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб: Норинт, 2002.
19. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. проф. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
20. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
21. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
22. Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 "Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности", с приложениями. — <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12089652/>
23. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
24. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. — С. 18-27.
25. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки// Вестник Московского университета МВД России. 2018 (4). — С. 31-36.
26. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы №1 (41) 2016. — С. 118-126.

Для производства рецензирования предоставлены следующие материалы (в копиях).

1. **Постановление следователя Габдулина Р.Р. от 22.08.2019 г. (в извлечениях)** по уголовному делу 11902450046000029 о назначении комплексной судебной экспертизы и поручении ее производства экспертам Института криминалистики ЦСТ ФСБ РФ. на 1 л.
2. **Заключение экспертов А.П.Коршикова и А.М.Осокиной № 3/458 от 01.09.2019 г.** по уголовному делу 11902450046000029, на 24 л.

1. Относительно критериев специальной научно-методической и лингвистической оценки представленного заключения

По мнению комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС, для специальной научно-методической и лингвистической оценки представленного на рецензирование документа как доказательства по уголовному делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленного на исследование документа (в дальнейшем также **рецензируемое заключение**), он представляет собой заключение эксперта, составленное на основании постановления следователя о назначении комплексной судебной экспертизы, вынесенного в рамках предварительного расследования уголовного дела, и отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в **установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую, помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);
- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции: «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип объективности исследования: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования: «Заключение эксперта должно

основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);

- принцип полноты экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип всесторонности исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41; в данном заключении для обозначения таких лиц используется термин *негосударственный эксперт*, применяемый также законодателем — ср. формулировку из ст. 16: «...осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта...»).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые

могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;

- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —

относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;

- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в **процессуальных кодексах** есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для каждого вида процесса. При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел, имеют свои особенности.

При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел, имеют свои особенности, а иногда существенно различаются.

Согласно статье 57 **Уголовно-процессуального кодекса РФ**, экспертом признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе, в частности:

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

В то же время эксперт не имеет права, в частности:

1) без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Эксперт вправе возратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы, если представленных материалов недостаточно для ее производства или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является **комплексной**. Особенности производства комплексной экспертизы в уголовном процессе регламентированы ст. 201 УПК РФ.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** представленного на исследование документа является подлежащая выявлению в ходе рецензирования совокупность специальных научно-методических и лингвистических признаков их соответствия либо несоответствия описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов, в части использования экспертами специальных познаний в области лингвистики, теории и практики судебной лингвистической экспертизы, теории и практики судебно-экспертной деятельности.

При оценке рецензируемого заключения учитывались также следующие исходные положения.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 указанного Постановления:

Под **действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды**, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Согласно п. 8 указанного Постановления:

Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Согласно п. 23 указанного Постановления:

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

В целом следует констатировать, что, по мнению целого ряда специалистов в области юриспруденции и лингвистической экспертизы, иных экспертов, определение экстремизма, или экстремистской деятельности в действующем российском законодательстве носит размытый, недостаточный характер, объединяет в себе разнородные явления, как представляющие особую общественную опасность и подлежащие уголовному преследованию, так и значительно менее тяжкие правонарушения. Это относится, например, к такому важному пункту определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Под этот пункт подпадают как уголовные преступления, описываемые в ст. 282 УК, так и сходные, но не уголовно наказуемые деяния. В результате известны прецеденты, когда газета может быть закрыта за публикацию, автор которой не привлекался и не будет привлечен к уголовной ответственности (например, именно так была закрыта в 2005 году газета Национал-большевистской партии (НБП) «Генеральная линия»).

Помимо этого, руководствуясь в своем исследовании дефинициями понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», содержащимися в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятом в июле 2002 г., эксперты считают необходимым обратить внимание суда на тот факт, что в существенное противоречие с ним входит дефиниция понятия «экстремизм», содержащаяся в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицированной Федеральным Собранием Российской Федерации и подписанной от имени Российской Федерации президентом В.В.Путиным в январе 2003 г.): «"Экстремизм" – какое-либо деяние, направленное на насильственный (здесь и далее выделено авторами экспертного заключения) захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон». И хотя п.1.2 данной статьи содержит важную оговорку («Настоящая статья не наносит

ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье»), мы полагаем, что Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» нуждается в оптимизации Федеральным Собранием РФ, в том числе, в части доработки и уточнения принятых в нем дефиниций.

Особо следует отметить такое понятие, как «возбуждение социальной розни», поскольку социальной рознью можно считать вообще любое противоречие в обществе, что создает возможность при наличии определенных предпосылок, которые могут носить как объективный, так и, что важно подчеркнуть, субъективный характер, обвинить в экстремистском высказывании любого человека, который публично высказывается о каком-то конфликте или выступает против кого-либо.

Не менее важным является то обстоятельство, что, исходя из известной комиссии специалистов-лингвистов практики судебно-экспертной деятельности, в настоящее время отсутствует единое (общепринятое, устоявшееся) определение понятия **социальной группы**. Разные эксперты и специалисты пользуются разными критериями и системами критериев отнесения тех или иных сообществ людей к разряду социальных групп, что создает предпосылки для нарушения единства судебной практики.

Предпочтительным решением данной проблемы было бы законодательное уточнение данного понятия, например, через введение списка социальных групп, достоинство которых охраняется законом (или соответствующих словесных обозначений), однако такого списка на данный момент не существует.

В общем случае при отнесении того или иного сообщества граждан к разряду социальных групп, достоинство которых охраняется законом, следует учитывать целый ряд разнородных факторов, например:

- наличие объективной и субъективной общности интересов членов группы;
- характер совпадающих интересов (демографический, экономический, политический, морально-этический, социально-психологический, собственно социальный и т. п.). Данный фактор позволяет, к примеру, выделять в особую категорию так называемые «малые» группы, имеющие социально-психологический характер, общность членов в которых мотивируется и поддерживается исключительно межличностными связями (например, сообщество друзей или коллектив сотрудников одного подразделения фирмы, объединяемых совместной работой);
- является ли отнесение гражданина к данной группе вопросом его самоидентификации;
- требуется ли выполнение каких-то формальных требований или процедур для вступления в группу (для признания гражданина ее членом) и какова их природа;
- может ли гражданин быть лишен статуса члена группы принудительно;
- манифестируется ли группа в обществе через некую общую для всех ее членов деятельность, преследующую определенную цель;

- существуют ли общие для членов группы система ценностей и мировоззрение;
- насколько обособленной является группа;
- обладает ли группа внутренней организацией;
- существуют ли социальные институты, регулирующие отношения в группе;
- являются такие институты формальными или неформальными;
- *etc.*

Необходимо учитывать, что недопустимой является экспертная подмена понятия социальной (а также конфессиональной, национальной и т. п.) группы понятием соответствующего ей формального социального института. (Ср. цитируемую выше позицию Пленума Верховного Суда о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев. Подобная критика, то есть сообщение негативной информации, в том числе сопровождающееся во многих случаях здоровой агрессией, может трактоваться как неизбежная составная часть конфликта; без конфликтов как таковых нормальное развитие общества невозможно).

Следует также иметь в виду существование ярко выраженных «асоциальных» групп, которые, безусловно, удовлетворяют любым мыслимым формальным критериям выделения социальных групп, достоинство и интересы которых при этом не подлежат, однако, правовой охране (например, преступный мир).

При исследовании спорных высказываний в лингвистической экспертизе во всех случаях требуется четко определять, какие языковые средства используются в тексте для обозначения того или иного сообщества людей и какой точный смысл передают эти словесные средства в спорном контексте. Только после этого можно говорить о том, относится содержание того или иного спорного высказывания именно к социальной группе — или же речь идет о чем-то ином: о юридическом лице, которое имперсонифицирует и (или) персонифицирует группу, в том числе, возможно, в общественных представлениях, но не тождественно ей, о формальном социальном институте, регулирующем отношения в группе, и т. п.

2. Специальная компетенция экспертов, понятийный и методический аппарат заключения

Из содержания рецензируемого заключения вытекает, что оно составлено по результатам исследований, проведенных двумя экспертами, указавшими во вводной части разные экспертные специальности:

- экспертом А. П. Коршиковым (согласно рецензируемому заключению, «экспертная специальность — лингвистические исследования»);
- экспертом А. М. Осокиной (согласно рецензируемому заключению, «экспертная специальность — комплексный анализ устной речи»).

В отношении обоих экспертов сведения об образовании указаны в форме «образование — высшее». Отсутствуют сведения о специальности или специальностях, полученных экспертами в ходе высшего образования, о присвоенных им квалификациях, о наличии дипломов или иных квалификационных свидетельств

государственного или негосударственного образца, об учебных заведениях, выдавших такие свидетельства. Включенная в текст рецензируемого заключения информация об образовании, выраженная в форме «образование — высшее», не дает возможности проверить ее на соответствие действительности.

При этом выполнивший лингвистическое исследование эксперт А. П. Коршиков, согласно указанным в рецензируемом заключении данным, имеет ученую степень кандидата физико-математических наук, с очевидностью не имеющую отношения к предмету рассматриваемой экспертизы и вызывающую вполне определенные сомнения в наличии у данного эксперта именно лингвистического базового высшего образования.

Каких-либо сведений о квалификационных свидетельствах, подтверждающих наличие у эксперта А. П. Коршикова экспертной специальности, обозначенной в рецензируемом заключении как «лингвистические исследования», которые были бы действительными в период времени, к которому относится производство им данной экспертизы, рецензируемое заключение также не содержит.

Дополнительные сомнения в наличии у А. П. Коршикова какого-либо специального лингвистического образования вызывает обилие допущенных в тексте рецензируемого заключения речевых, пунктуационных и орфографических ошибок, дающее основания для предположения о том, что уровень лингвистических познаний А. П. Коршикова не полностью включает в себя объем программы средней школы по русскому языку.

В рецензируемом заключении эксперты отвечают на два вопроса, поставленных перед ними следствием в отношении девяти видеофонограмм (видеозаписей), представленных на экспертизу и идентифицированных экспертами как объекты исследования:

1. «Имеются ли с позиции лингвистической квалификации в перечисленных выше видеозаписях призывы к осуществлению незаконной деятельности?»
2. «Каково эмоциональное состояние говорящего (Жукова Е.С.) в перечисленных выше видеозаписях?»

По мнению комиссии рецензентов, эксперты корректно сочли, что вопрос № 1, исходя из его формулировки, относится к единоличной компетенции эксперта-лингвиста.

Что касается вопроса № 2, эксперты отнесли его разрешение к области, обозначенной ими как «комплексный анализ устной речи». Оценка обоснованности и достоверности такой квалификации поставленного перед экспертами вопроса в целом выходит за пределы компетенции комиссии рецензентов, однако следует определенно согласиться с мнением экспертов в той части, что исследования, позволяющие разрешить подобный вопрос, действительно должны носить **комплексный** характер, включающий в себя по меньшей мере компетенцию специалистов в областях психологии (в данной области знания лежит изучение эмоциональных состояний человека) и лингвистики (объектом анализа в исследованиях по вопросу № 2, описанных в рецензируемом заключении, выступают продукты речевой деятельности, представленные записями речи).

Из содержания рецензируемого заключения вытекает, что эксперт А. П. Коршиков не принимал участия в исследованиях по вопросу № 2, комплексное исследование устной речи проведено экспертом А. М. Осокиной единолично.

Однако если исходить из предположения о наличии у эксперта А. П. Коршикова, отвечавшего на сугубо лингвистический вопрос № 1, специальных знаний в области лингвистики, то можно констатировать, что эксперт, обладающий специальной компетенцией, соответствующей вопросу № 2, в исследованиях по этому вопросу никакого участия не принял. Описанное положение дел свидетельствует о наличии в действиях эксперта А. П. Коршикова при производстве экспертизы научно-методических признаков **прямого грубого нарушения принципа полноты** судебно-экспертного исследования, закрепленного ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования... в полном объеме») и ст. 16 указанного закона, устанавливающей **обязанность эксперта провести полное исследование** представленных ему объектов и материалов дела.

В противном же случае (предположение о наличии у эксперта А. П. Коршикова специальных знаний в области лингвистики является ложным) то обстоятельство, что указанный эксперт единолично произвел исследование по относящемуся к компетенции лингвистов вопросу № 1, следует рассматривать как научно-методический признак **прямого грубого нарушения** экспертом А. П. Коршиковым при производстве экспертизы **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, закрепленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями», «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...»).

В то же время, как показано в разделе 1 настоящей рецензии, действующее законодательство рассматривает **комплексную** экспертизу как **частный случай комиссионной** экспертизы, тем самым устанавливая, что комплексная экспертиза должна проводиться не менее чем двумя экспертами разных специальностей. Производство экспертом А. М. Осокиной комплексного анализа устной речи в рамках исследования по поставленному перед экспертами вопросу № 2 в формате единоличного экспертного исследования, таким образом, является недопустимым с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности, представляет собой научно-методический признак **грубого нарушения** нормы **ст. 23 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**, определяющей **комплексную** судебную экспертизу как частный случай **комиссионной** судебной экспертизы, реализующийся в ситуациях, когда экспертное исследование должно быть проведено комиссией экспертов разных специальностей.

В лингвистической экспертизе **важнейшее значение имеют методология и методика экспертного исследования**. Они определяют как характер исследования, так и полученные выводы. Без знания методологических основ невозможно верно интерпретировать материал, извлекаемый из спорного текста, и делать доказательные выводы.

В связи с этим в методической литературе для судей, следователей и экспертов отмечается, например: *«Заключение эксперта должно быть обоснованным и допустимым. Заключениеоценивается как научно обоснованное, если оно в должном объеме содержит полное описание всех методов анализа текста и их обоснованности, полученные количественные и качественные результаты, пояснения*

умозаключений, суждений и логических выводов, которые были сделаны... **Допустимость ...состоит также в том, что методы и средства, используемые экспертом, должны быть надлежаще апробированы, а научные данные, положенные в основу его выводов, должны быть достоверно установлены...**» (см. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. / Под ред. проф. М.В.Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006, с.72).

В Методических пособиях Министерства юстиции РФ указано, что лингвистическая экспертиза *«относится к **семантическим** исследованиям»; «лингвистический анализ этих средств позволяет установить, что именно сказано в тексте (о предмете речи, об отношении к нему, о целях сообщения адресату информации). По объекту и по цели этот анализ является **семантическим**. Лингвистический семантический анализ опирается прежде всего на знания о значениях языковых единиц и о способах их использования, в той или иной мере отражаемые в словарях и лингвистических описаниях (прежде всего в грамматиках)»* (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2011, с.21, с.33 и др.; Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2014, с.15) *[выделено рецензентами]*.

Данное экспертом А. П. Коршиковым в рецензируемом заключении **обозначение «методов исследования»** (с. 4) следует характеризовать как **неточное и неполное**. Однако именно применяемые в экспертизе методы являются важнейшим аргументационным фактором заключения эксперта (см. Бельчиков Ю.А, Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ – М., 2010, с.34). Эксперт А. П. Коршиков практически декларативно перечисляет в форме маркированного списка некий, как он это называет, «ряд методов и приемов». При этом каждый элемент списка начинается словом «метод». (В то же время ни о каких приемах далее в заключении не сказано. Вероятно, за ненадобностью эксперт не счел нужным их хотя бы перечислить.). Экспертом А. П. Коршиковым заявлены следующие методы: 1) «метод лексико-семантического анализа с целью установления лексических значений слов и словосочетаний»; 2) «метод дискурсивного анализа, основанный на концепции дискурса и позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста с целью выяснения смысла текста в совокупности»; 3) «метод логико-грамматического анализа предложений для установления типа пропозиции и интерпретации грамматических форм»; 4) «метод лексикографического анализа для установления лексического значения слова в контексте»; 5) метод интен-анализа для выявления выраженных в тексте коммуникативных намерений».

При этом совершенно неясным остается содержание «лексикографического метода», дублирующего по своему назначению в приведенном списке метод лексико-семантического анализа, общепринятый в лингвистической экспертной практике в качестве необходимого и достаточного средства установления лексического значения слова в контексте. Лексикографическим методом в языкознании принято называть

метод, включающий в себя лексикографический анализ словарей и их компонентов, анализ словарных дефиниций (этот вид анализа является также обязательной частью метода лексико-семантического анализа) и процедуру составления словаря определенного типа и жанра. Однако ни в тексте рецензируемого заключения, ни в приложениях к нему какого бы то ни было словаря, составленного экспертом А. П. Коршиковым в ходе исследования, описанного в рецензируемом заключении, не наблюдается.

Заявленный в маркированном списке «метод логико-грамматического анализа предложений...» так и не был применен: если исходить из предположения о том, что содержание проведенных исследований описано в рецензируемом заключении полностью (как этого требует действующее законодательство об экспертизе), приходится констатировать, что эксперт А.П. Коршиков не занимался установлением типа пропозиции и интерпретацией грамматических форм.

Следует иметь в виду, что часть заявленных методов в языкознании просто не существует. Так, в лингвистике отсутствует некий общепринятый и общепризнанный *метод дискурсивного анализа*. Дискурсивным анализом, или дискурс-анализом, иногда называют **совокупность аналитических методов** интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Соответственно, в зависимости от выбора конкретных методов исследования наполнение понятия, выражаемого словосочетанием *дискурсивный анализ*, будет различным. Поскольку эксперт А. П. Коршиков не считает нужным указывать, какие именно методы он подразумевает под *дискурсивным анализом*, понимание данного термина в тексте рецензируемого заключения возможно лишь по догадке, что препятствует верификации полученных в ходе экспертизы результатов и представляет собой **специальный** (научно-методический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу проверяемости выводов** эксперта, закрепленного ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

Не является методом лингвистического исследования метод интент-анализа, разработанный в Центре психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук под руководством Т. Н. Ушаковой и Н. Д. Павловой, предназначенный для диагностики особенностей сознания человека, продуцировавшего тот или иной текст. Метод интент-анализа имеет несколько версий, отличающихся по составу вовлекаемых в сферу рассмотрения категорий так называемых «интенций» (в психологии данным термином обозначается субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта). В частности, в базовой методике Т. Н. Ушаковой выделяются 4 категории интенций, которые условно обозначены как «мы», «они», «третья сторона» и «ситуация». Результаты использования метода интент-анализа, как правило, представляются в табличной форме со столбцами «Категория», «Код», «Частота», «Процентная доля кодов», «Количество слов», «Процентная доля слов». Обязательным при применении метода интент-анализа в любой версии является получение количественных данных,

описывающих распределение интенций и кодов в тексте, с последующей их психологической интерпретацией. Сказанное позволяет констатировать, что указание метода интент-анализа в числе применяемых экспертом А. П. Коршиковым методов представляет собой специальный (научно-методический и лингвистический) признак **прямого грубого нарушения** экспертом А. П. Коршиковым при производстве экспертизы **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, закрепленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями», «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...»).

3. Исследовательская часть заключения

К компетенции рецензентов относится специальная научно-методическая и лингвистическая оценка составленного экспертом А. П. Коршиковым раздела «Лингвистическое исследование» рецензируемого заключения (с. 3–17).

Формальная структура указанного раздела включает в себя нумерованные подразделы 1–4 без собственных заголовков (один из нумерованных подразделов включает в себя подразделы второго уровня 4.1 и 4.2), а также подраздел «Использованная литература».

Подраздел 1 раздела «Лингвистическое исследование» в начальной своей части содержит формальную идентификацию объектов исследования. В качестве таковых эксперт А. П. Коршиков указывает «видеозаписи обращений Жукова Е.С. к аудитории в рамках ведения им одного публичного канала веб-сайта на видеохостинге «Youtube» (с. 3).

Затем эксперт высказывает корректное суждение о наличии у объектов исследования признака публичности, предваряя данное суждение его кратким обоснованием (с. 3–4).

Непосредственно после этого эксперт А. П. Коршиков декларативно перечисляет применяемые им методы исследования. Подробная характеристика списка методов дана в разделе 2 настоящей рецензии.

Завершив перечисление методов исследования, эксперт немедленно дает обобщающую характеристику всех подлежащих исследованию видеофонограмм. Эксперт высказывает справедливое, по мнению рецензентов, суждение о том, что «обращения 2, 3 и 4... корректно рассматривать как единый объект», обосновывая его тематической близостью, малым временным интервалом обнародования видеофонограмм, о которых идет речь, и наличием в их речевом содержании перекрестных ссылок и иных средств организации связного текста, включая используемую автором контекстную синонимию (*мирный — ненасильственный*) при указании тематической отнесенности указанных видеофонограмм (с. 4–5).

Анализ, описанный в подразделе 2 раздела «Лингвистическое исследование», фактически сводится к единственному суждению (промежуточному выводу) эксперта А. П. Коршикова, согласно которому «в обращениях Жукова Е.С. отчетливо

прослеживается мотив политической ненависти или вражды к действующей власти» (с. 5). Иных суждений, относящихся к исследуемым информационным объектам, эксперт не приводит.

Данный вывод эксперт сопровождает определением «мотива политической ненависти или вражды» (с. 5). Подобное словоупотребление свидетельствует о том, что *ненависть или вражду* эксперт рассматривает как некое единое, не подлежащее членению понятие, отдельные компоненты которого, соединяемые разделительным союзом *или (ненависть, вражда)*, не получают в рецензируемом заключении никакой дефиниции. В то же время в диспозиции ст. 282 УК РФ законодателем в соответствующей позиции используется разделительный союз *либо*, который, по данным специального «Объяснительного словаря русского языка», наиболее полно и системно описывающего системы значений служебных слов в лексической системе современного русского языка, при его использовании для соединения слов (а не частей сложносочиненного предложения) допускает единственную интерпретацию, в соответствии с которой этими словами обозначаются исключаящие друг друга в данной ситуации предметы, признаки, действия и т. п.

Затем эксперт А. П. Коршиков перечисляет пять категорий смыслов, которые он обнаружил в речевом содержании исследованных им видеофонограмм (с. 5), и приводит примеры высказываний, выражающих, по его мнению, такие смыслы. Список этих примеров занимает в тексте рецензируемого заключения свыше 2,5 страниц (с. 6–9).

Этим содержание подраздела 2 исчерпывается. Ни один из примеров не сопровождается какими-либо суждениями, в которых отражался бы ход проведенных экспертом исследований избранными им методами (в данном случае речь должна идти о методе лексико-семантического анализа, а также, вероятно, о заявленном, но не обоснованном с точки зрения его использования «методе лексикографического анализа» — см. раздел 2 настоящей рецензии).

Тем самым остается не выясненным вопрос, каким образом эксперт устанавливал значение тех или иных слов и словосочетаний. Предпринятое экспертом А. П. Коршиковым выделение отдельных фрагментов цитируемых им высказываний полужирным шрифтом отнюдь не является достаточным для идентификации того, какие именно признаки «ненависти или вражды» эксперт обнаружил в выделенных им словах и словосочетаниях. Необоснованными остаются и сообщения эксперта о том, что признаками ненависти и вражды являются словосочетание *авторитарный режим*, упоминание о Б. Немцове, словосочетание *путинский режим*, и мн. др. Описанное положение дел решительно препятствует верификации полученных в ходе экспертизы результатов, описанных экспертом А. П. Коршиковым в подразделе 2, и представляет собой **специальный** (научно-методический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу проверяемости выводов** эксперта, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

Таким образом, суждение (промежуточный вывод) эксперта А. П. Коршикова, согласно которому «в обращениях Жукова Е.С. отчетливо прослеживается мотив

политической ненависти или вражды к действующей власти», **не может быть признано обоснованным.**

При оценке значимости этого единственного суждения эксперта, присутствующего в рассматриваемом подразделе рецензируемого заключения, следует учитывать следующее.

1. Экспертиза, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, проведена на основании постановления следователя, вынесенного по уголовному делу, в рамках которого Е. С. Жукову предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности».

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Установление мотива «политической ненависти или вражды» (а именно установлением этого мотива де-факто занимается эксперт А. П. Коршиков в подразделе 2 раздела «Лингвистическое исследование» рецензируемого заключения) не является существенным для данного уголовного дела.

Описанное положение дел расценивается рецензентами как специальный научно-методический (с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) признак **несоответствия** рецензируемого заключения **задаче судебно-экспертной деятельности** — оказанию содействия суду в **установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.**

2. Суждение (промежуточный вывод) эксперта А. П. Коршикова, согласно которому «в обращениях Жукова Е.С. отчетливо прослеживается мотив политической ненависти или вражды к действующей власти», в дальнейшем **используется** экспертом при производстве иных исследований и, соответственно, **влияет на выводы** по поставленному перед экспертом вопросу.

Впрочем, сказанное не относится к отсылке к этому промежуточному выводу, которая встречается в предпоследнем абзаце подраздела 4.1 на с. 14 в следующем контексте:

Таким образом, в тексте обращения I содержатся призывы к борьбе с властью в России с произвольным выбором формы протеста, что включает в себя и действия насильственного характера, в частности, насильственный захват власти, вооруженный мятеж.

Как было показано выше, основной мотив действий, к которым побуждает автор, это мотив политической ненависти или вражды к действующей власти в России.

Таким образом, в обращении Жукова Е.С. в видеозаписи «МИТИНГ 7 ОКТЯБРЯ, ИЛИ КАК СЛИВАЮТ ПРОТЕСТ-GwcWfXHRjq4» с позиции лингвистической квалификации содержится призыв к борьбе с властью в России с произвольным выбором форм протеста, что включает в себя и действия насильственного характера, в частности, насильственный захват власти, вооруженный мятеж.

Из приведенного контекста видно, что рассматриваемый промежуточный вывод о «мотиве политической ненависти или вражды» не приводит в тексте рецензируемого заключения к какому-либо изменению содержания вывода, дважды сформулированного в близкой к тождественной форме, — в непосредственно предшествующем и в непосредственно следующем абзацах.

Напротив, другая отсылка к описанному промежуточному выводу, которая наблюдается в подразделе 4.2 рецензируемого заключения, оказывает на итоговый вывод эксперта существенное влияние, позволяя ему утверждать, что все действия, к которым Е. С. Жуков призывает свою аудиторию, должны совершаться «по мотивам политической ненависти или вражды» (с. 15).

Соответственно, **итоговый вывод эксперта по вопросу № 1** в указанной части наследует от рассматриваемого промежуточного вывода установленное выше **свойство не быть обоснованным**.

Подраздел 3 раздела «Лингвистическое исследование» эксперт А. П. Коршиков начинает с суждения (промежуточного вывода) «В обращениях Жукова Е.С. содержатся призывы к борьбе с действующей властью в России».

Эксперт вводит следующее определение термина *призыв*: «В рамках проведения лингвистического исследования под призывом понимается публичный речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности. Основополагающим признаком призыва является наличие в тексте побуждения, выраженного в явной либо косвенной форме языковыми средствами» (с. 9).

Анализ приведенного определения показывает, что эксперт А. П. Коршиков определяет призыв по следующей совокупности признаков:

- свойство быть речевым актом;
- признак публичности;
- признак наличия адресата;
- свойство быть побуждением к действию или совокупности действий;
- указанное действие или совокупность действий осмысляется (неясно, кем именно осмысляется) как важная (критерии оценки важности не указываются) часть общественно значимой (критерии оценки значимости не указываются) деятельности;
- побуждение выражено в тексте;
- побуждение выражено в явной либо косвенной форме (критерии данного противопоставления не раскрыты; противопоставление не является общепринятым в лингвистической экспертной практике, где явная форма обычно противопоставляется скрытой, а косвенная — прямой¹);

¹ Возможно, эксперт А. П. Коршиков пытается уйти таким образом от необходимости использования термина *скрытый призыв*, валидность которого в судебной лингвистической экспертизе по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности вызывает у многих специалистов большие сомнения. Ср., например: «Такие понятия, как... «скрытый призыв»... не могут использоваться экспертами умозрительно и безосновательно, без раскрытия стоящих за ними конкретных средств выражения значения. В противном случае эксперт остается в рамках описания собственного субъективного восприятия смысла сказанного, а не производит объективное

- побуждение выражено языковыми средствами.

Нетрудно видеть, что использованное экспертом понятие призыва по смыслу тождественно смыслу «любое выраженное в публичном речевом акте побуждение, за исключением побуждения к бездействию»: о побуждении можно говорить лишь при наличии адресата; термин «текст» (эксперт не считает нужным его определять явным образом) имеет множество определений, фактически может использоваться для обозначения любого завершённого продукта речевой деятельности; побуждение в тексте всегда выражается языковыми средствами. Некоторое исключение составляет лишь основанный на не описанных экспертом критериях весьма неопределённый признак «действие или совокупность действий осмысливается как важная часть общественно значимой деятельности».

Затем эксперт А. П. Коршиков вводит понятие *классического призыва* (с. 9–10), которое никак им в дальнейшем не используется, и переходит к примерам обнаруженных им в речевом содержании исследованных видеофонограмм призывов, каковые примеры, как в случае подраздела 2, занимают большую часть данного подраздела (с. 10–11).

Завершив перечисление этих примеров, эксперт немедленно выносит суждение о том, что «Все приведенные выше призывы относятся к призывам-воззваниям» (с. 11), и даёт определение этому термину, следуя автору данной дефиниции из книги «Лингвистическая экспертиза текста» – проф. А.Н. Баранову.

Затем эксперт определяет адресата призывов как «деперсонифицированного адресата — широкий круг лиц, ознакомившийся с обращениями Жукова Е.С. на его канале веб-сайта» (с. 12). Эксперт указывает при этом, что разным призывам соответствуют различные обозначения адресата: «в некоторых случаях Жуков Е.С. обозначает адресата как широкую группу лиц – так называемые оппозиционеры, нормальные оппозиционеры, школьники, студенты». При этом вполне очевидно, что перечисленные слова и словосочетания обозначают различные группы лиц: *так называемые оппозиционеры* — не то же, что *нормальные оппозиционеры*, и т. п.

Однако указаний на то, какие из обнаруженных экспертом призывов какой группе лиц адресованы, эксперт А. П. Коршиков не даёт.

Коммуникативную цель автора эксперт определяет следующим образом: «побудить адресата выполнить действие, рассматриваемое как важная часть общественно полезной деятельности, способствующей достижению основного идеала, которое представляет собой борьбу с властью, сопротивление власти».

Эксперт перечисляет также обнаруженные им в приведенных в рецензируемом заключении примерах средства выражения побудительности.

Соответственно, **оценка достоверности** данного вывода находится в исключительной зависимости от того, готово ли лицо, производящее такую оценку, согласиться с принятым экспертом определением призыва как любого выраженного в публичном речевом акте побуждения, за исключением побуждения к бездействию.

С учетом изложенного, суждение (промежуточный вывод) эксперта А. П. Коршикова «В обращениях Жукова Е.С. содержатся призывы к борьбе с

исследование материала» (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014, с. 22).

действующей властью в России» является **обоснованным**. При этом следует иметь в виду, что, как показано выше, **эксперт фактически отождествляет** понятия *публичный призыв* и *любое выраженное в публичном речевом акте побуждение, за исключением побуждения к бездействию*. Такое отождествление делает область призывов неоправданно широкой, и это **снижает оценку достоверности** данного вывода.

Соответственно, **оценка достоверности** данного вывода находится в исключительной зависимости от того, готово ли лицо, производящее такую оценку, согласиться с принятым экспертом определением призыва как любого выраженного в публичном речевом акте побуждения, за исключением побуждения к бездействию

В подразделе 4 раздела «Лингвистическое исследование» эксперт А. П. Коршиков рассматривает вопрос о содержании обнаруженных им исследованных видеофонограммах призывов и формулирует итоговый вывод по поставленному перед экспертами вопросу № 1.

Эксперт, не описывая каких-либо исследований, относящихся к обращениям, 5–9, констатирует, что в этих обращениях «не имеется призывов к осуществлению незаконной деятельности» (с. 12). Этот вывод, не являясь обоснованным, представляется рецензентам правильным по сути.

Подраздел 4.1 раздела «Лингвистическое исследование» относится к видеофонограмме «МИТИНГ 7 ОКТЯБРЯ, ИЛИ КАК СЛИВАЮТ ПРОТЕСТ-GwcWfXHRjq4».

Эксперт повторно приводит один из фрагментов речевого содержания указанной видеофонограммы, ссылается на сделанный им ранее вывод о наличии в этом фрагменте призыва к борьбе с действующей властью в России и указывает, что содержание этого призыва (в терминах эксперта — «характер предлагаемых действий») выражено в словесных конструкциях «С системой нужно жестко и планомерно бороться... Тут нужно хвататься за любые формы протеста...» (с. 13).

Эксперт приводит словарные данные (впрочем, не указывая их источника) о значении глагола *хвататься*.

На каком основании эксперт устанавливает значения иных ключевых слов, смысловое содержание словосочетаний и высказываний в целом, остается невыясненным: эксперт А. П. Коршиков об этом не сообщает, мгновенно переходя к интерпретации («трактовке», с. 13) приведенных высказываний.

По мнению эксперта, «формально призыв «приниматься за любые формы протеста» включает в себя и крайние насильственные формы протеста, как одни из возможных форм протеста» (с. 13). Вероятно, эксперт отождествляет в приведенном им контексте смысловое значение, выражаемое существительными *протест* и *борьба*: «В пользу допустимости такой трактовки свидетельствует и высказывание Жукова Е.С. чуть выше по тексту о необходимости использования жестких форм борьбы».

Однако, по данным «Большого толкового словаря»:

ПРОТЕСТ, -а; *м.* [от лат. protestari - заявлять публично] 1. Официальное заявление о несогласии с чем-л. (обычно с каким-л. решением, постановлением). *П. против зажима критики. П. прокурора. Заявить п. Принести п. Выразить п. Выступить с протестом. Демонстрация протеста.*

// Решительное возражение против чего-л., проявление недовольства или нежелания сделать что-л. *Молчаливый п. друзей. Не обращать внимания на горячие протесты собравшихся.* **2. Финанс.** Официальное подтверждение факта неуплаты в срок по векселю. *Предъявить вексель к протесту. Два векселя в протесте. П. векселя.* **3. Мор.** Официальное заявление капитана морского судна об аварии судна или порче груза. **<Протестный, -ая, -ое (к 1 зн.). П. электорат** (об избирателях, чьи предпочтения определяются общим недовольством текущим положением дел).

БОРЬБА, -ы; жс. **1.** к Бороться. *Победа в борьбе с захватчиками. Б. с предрассудками. Б. за выход в финал. Б. идей, мнений. Предвыборная, идеологическая б. Внутренняя б. Развернуть, возглавить борьбу против чего-л. Сдаться без борьбы. Жизнь - это б.* **2.** Вид спорта - единоборство двух спортсменов по определённым правилам. *Классическая б. Вольная б. Б. самбо, дзюдо. Чемпион по борьбе.* **♦ Борьба за существование. 1. Биол.** Совокупность взаимоотношений между организмами, а также между организмами и окружающей их средой, приводящих к естественному отбору. **-2. Шутл.** О тяжёлых условиях жизни, взаимоотношениях людей в обществе, при которых каждый стремится оказаться в более благоприятных условиях (преимущественно за счёт других). *Не жизнь, а сплошная б. за существование.*

БОРОТЬСЯ, борюсь, борешься; нсв. 1. (с кем). Схватившись друг с другом, стараться повалить, положить на лопатки. *Б. с одноклубником. Во дворе боролись мальчишки.* **2. за что.** Состязаться в чём-л., стараясь одержать победу. *Б. за призовое место на конкурсе. Б. за звание абсолютного чемпиона. Б. за выход команды в финал.* **3. с кем-чем, против кого-чего, за что.** Активно действовать против кого-, чего-л., стремясь преодолеть или уничтожить; сопротивляться кому-, чему-л. *Б. с конкурентами. Б. с мафией. Б. с бюрократизмом, с бесхозяйственностью. Б. против агрессоров. Б. против беззакония. Б. за ликвидацию последствий аварии. Б. с собой (стараться преодолеть какие-л. чувства, желания, привычки).* * *И долго с бурными волнами Боролся опытный гребец (Пушкин).* **4. за кого-что.** Отстаивать кого-, что-л., добиваться чего-л. *Б. за мир, за власть. Б. за свою идею, кандидатуру. Б. за каждого трудного подростка (помогать ему стать лучше).* **5.** Вступать в противоречие, сталкиваться (о чувствах, стремлениях). *В душе боролись любовь и страх. Личное и общественное борются в тебе.* **<Борение; боренье, -я; ср.** *Высок. (3, 5 зн.). Б. чувств и разума. * Так жизнь скучна, когда боренья нет (Лермонтов).* **Борьба (см.).**

ЖЁСТКИЙ, -ая, -ое; жёсток, жестка, жёстко; жёстче. 1. Твёрдый, плотный на ощупь (противоп.: мягкий). *Ж. матрац. Ж-ая постель, подушка. Ж-ая земля, почва (не рыхлая, твёрдая). Ж. вагон (пассажирский вагон с деревянными сиденьями без мягкой обшивки).* // Грубый на ощупь. *Ж-ая щётка. Ж-ое полотенце. Ж-ие волосы. Кожа на лице и руках обветрилась и стала жёсткой.* // Негибкий, неэластичный. *Ж. шланг. Ж. переплёт книги. Ж-ие крепления лыж.* // Такой, который трудно разжевать (о пище, плодах и т.п.). *Ж-ие груши, яблоки. Ж-ая солонина. Ж-ая вяленая вобла. Мясо куницы жёстче мяса цыплёнка. Ж-ая недожаренная говядина. Мясо ещё жс-ое (не дожарилось, не доварилось). Рис ещё жс. (не упрел, не доварился).* // Чёрствый (о хлебе и т.п.). *Ж. кусок хлеба. Ж. пирог. Ж-ая корка.* **2.** Суровый, резкий; грубый. *Ж. характер. Ж. голос. Ж. и требовательный человек. Жёсток и неуступчив во всём, что касается работы.* // Выражающий грубость, суровость, резкость. *Тонкий и жс. рот. Сухие жс-ие черты лица. Ж. взгляд. Говорить жёстким*

тоном. 3. Вызывающий неприятные ощущения; резкий сильный (о ветре, морозе). *Ж. ветер бил в лицо. // Сухой, немелодичный (о звуках). Ж. звуки ударов молота о наковальню.* 4. Не допускающий отклонений, изменений; строгий, безоговорочный. *Ж. график. Ж-ое правило. Выдвигать слишком ж-ие требования. Соблюдать жёсткую экономию. Ж-ие социальные связи. Поставить кого-л. в ж-ие рамки (в условия, не допускающие никаких отклонений, нарушений).* 5. Насыщенный солями кальция, магния и плохо растворяющий мыло (о воде). *В жёсткой воде трудно стирать. <Жёсткость, -и; жс. Ж. мяса. Ж. характера. Ж. сроков. Ж. воды.*

Критерии синсемичности, стилистического соответствия и проявляемые в рассматриваемом контексте грамматические свойства слов, о которых идет речь, позволяют исключить в рассматриваемом контексте значения 2 и 3 существительного *протест*, значения 2 существительного *борьба*, значения 1, 2, 4, 5 глагола *бороться*, значения 1, 3–5 прилагательного *жесткий*.

Таким образом, к актуализации в рассматриваемом контексте способны лишь следующие словарные значения:

ПРОТЕСТ, -а; **м.** [от лат. protestari - заявлять публично] 1. Официальное заявление о несогласии с чем-л. (обычно с каким-л. решением, постановлением). *П. против зажима критики. П. прокурора. Заявить п. Принести п. Выразить п. Выступить с протестом. Демонстрация протеста. // Решительное возражение против чего-л., проявление недовольства или нежелания сделать что-л. Молчаливый п. друзей. Не обращать внимания на горячие протесты собравшихся.*

БОРЬБА, -ы; **жс.** 1. к Бороться. *Победа в борьбе с захватчиками. Б. с предрассудками. Б. за выход в финал. Б. идей, мнений. Предвыборная, идеологическая б. Внутренняя б. Развернуть, возглавить борьбу против чего-л. Сдаться без борьбы. Жизнь - это б.*

БОРОТЬСЯ, борюсь, борешься; **нсв.** 3. с кем-чем, против кого-чего, за что. Активно действовать против кого-, чего-л., стремясь преодолеть или уничтожить; сопротивляться кому-, чему-л. *Б. с конкурентами. Б. с мафией. Б. с бюрократизмом, с бесхозяйственностью. Б. против агрессоров. Б. против беззакония. Б. за ликвидацию последствий аварии. Б. с собой (стараться преодолеть какие-л. чувства, желания, привычки). * И долго с бурными волнами Боролся опытный гребец (Пушкин).*

ЖЁСТКИЙ, -ая, -ое; жёсток, жестка, жёстко; жёстче. 2. Суровый, резкий; грубый. *Ж. характер. Ж. голос. Ж. и требовательный человек. Жёсток и неуступчив во всём, что касается работы. // Выражающий грубость, суровость, резкость. Тонкий и жс. рот. Сухие ж-ие черты лица. Ж. взгляд. Говорить жёстким тоном.*

Другие известные толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции.

Нетрудно видеть, что *протест* в рассматриваемом контексте — это действие, содержание которого характеризуется говорящим безотносительно к способу, механизму его осуществления, лишь через указание на его информационную функцию служить выражением либо проявлением несогласия или недовольства, решительным возражением. Никаких оснований отождествлять выражение недовольства с вооруженным мятежом или насильственным захватом власти общепризнанные словарные данные не дают. Ни насильственные действия в целом, ни действия,

характеризуемые через указание оружия как инструмента их совершения, в частности, в тексте вообще не упоминаются и не обсуждаются. Эксперт А. П. Коршиков произвольно вносит подобные семантические компоненты на этапе интерпретации текста, которая, не будучи основанной на наблюдаемых в тексте речевых фактах, оказывается значимо субъективной.

Более того, в ходе осуществленной им интерпретации эксперт А. П. Коршиков игнорирует ранее отмеченные им в разделе 2 речевые факты последовательного, настойчивого подчеркивания говорящим, чьи «обращения» эксперт изучает, в качестве темы, объединяющей исследуемые видеофонограммы, «виды **ненасильственной** борьбы», смену власти «только **мирным** путем» (с. 5). Е. С. Жуков многократно высказывает суждение о большей эффективности ненасильственных видов противостояния власти.

Полностью аналогичную ошибку эксперт А. П. Коршиков совершает и при анализе содержания призыва, обнаруженного им во фразе «делайте всё, на что способны» (с. 13–14): в действительности этот призыв не содержит не только «каких-либо ограничений на методы действий» (с. 14), но и вообще какой бы то ни было характеристики этих методов.

Ошибочность вывода эксперта А. П. Коршикова о содержании рассматриваемых им побуждений и некорректность предпринятой им произвольной интерпретации становятся в полной мере очевидными, если учесть, что местоимение *всё* и прилагательное с местоименной семантикой *любой* относятся в современном русском языке к разряду абсолютизмов, или кванторных выражений, которые в публицистическом тексте (как, впрочем, и в текстах других функциональных стилей (исключение составляет терминологически строгое употребление в научных и специальных текстах) в большинстве случаев интерпретируются как гипербола — очевидное преувеличение. Непреднамеренно игнорировать эту возможность (а в рассматриваемом случае — речевую реальность) может лишь человек, не имеющий базового лингвистического образования.

К сожалению, подобная экспертная ошибка не является в настоящее время чем-то исключительным, специалисты в области судебной экспертологии (теории судебно-экспертной деятельности) прямо предупреждают о ее недопустимости: «Недопустимо приписывать автору то или иное значение, если не найдены средства его выражения» (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011, с.21).

С учетом изложенного, верификация вывода эксперта А. П. Коршикова о том, что «в обращении Жукова Е.С. в видеозаписи «МИТИНГ 7 ОКТЯБРЯ, ИЛИ КАК СЛИВАЮТ ПРОТЕСТ-GwcWfXHRjq4» с позиции лингвистической квалификации содержится призыв к борьбе с властью в России с произвольным выбором форм протеста, что включает в себя и действия насильственного характера, в частности, насильственный захват власти, вооруженный мятеж», показала, что указанный вывод:

- основан на неполном анализе наблюдаемых речевых фактов и получен в результате грубой ошибки, относящейся к описанному в судебной экспертологии классу, в связи с чем **не может быть признан надлежаще обоснованным;**

- прямо противоречит наблюдаемым речевым фактам, в связи с чем **не может быть признан достоверным.**

Описанное положение дел представляет собой **специальный** (научно-методический, лингвистический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу полноты экспертного исследования**, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования... в полном объеме»), а равно **принципу объективности исследования**, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...»).

Подраздел 4.2 раздела «Лингвистическое исследование» относится к трем видеофонограммам: «МИРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВОЗМОЖНА (Доказательства)-IeumKQz14IE», «МИТИНГИ ЧТО ДАЛЫПЕ-IVfIMQUq3U» и «БОЙКОТ ВЫБОРОВ - ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО-QJvzX8DgK60», обоснованно рассматриваемым экспертом как единый объект.

Эксперт А. П. Коршиков приводит шесть отдельных пунктов (90, 140, 144, 148, 158, 185) перечня методов «ненасильственной борьбы», почерпнутого Е. С. Жуковым из научно-популярной книги Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии» и подвергнутого им комментированию. Ни один из приведенных экспертом пунктов не обладает при этом какими-либо лингвистическими признаками побудительности.

Указанные пункты списка Дж. Шарпа рассматриваются в вырванном из контекста виде, что позволяет эксперту забыть, что «мятеж» и «препятствие работе учреждений», о которых говорит Дж. Шарп, — это условные обозначения действий, совершаемых исключительно перешедшими на сторону протестующих представителями госструктур.

Все нарушения действующего законодательства, которые эксперт усматривает в действиях, к которым побуждает автор исследуемых видеофонограмм, являются результатом осуществленной экспертом произвольной интерпретации. Тот или иной призыв может рассматриваться как побуждающий или провоцирующий некие незаконные действия, только если содержание таких действий в части, нарушающей действующее законодательство, непосредственно в этом призыве раскрыто: «Недопустимо приписывать автору то или иное значение, если не найдены средства его выражения» (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011, с.21). Например, призыв больше слушать классическую музыку не может рассматриваться как провоцирующий адресата на то, чтобы включать при этом в городской квартире динамики на полную мощность среди ночи, а призыв к борьбе с пьянством не должен трактоваться как провоцирующий погромы магазинов, торгующих алкогольной продукцией.

Анализируя пункт «самосожжение», эксперт неожиданно высказывает суждение, что речь идет о насильственном действии: «Такая героизация **насильственного** и одного из самых варварских способов ухода из жизни, призыв к самоубийству позволяют предположить, что декларация необходимости использования только ненасильственных методов в борьбе за смену власти в России в

Обращении используется для прикрытия соответствующей агитационной работы Жукова Е.С. на видеохостинге YouTube».

Тем самым, эксперт полностью игнорирует то обстоятельство, что прилагательное *насильственный* в современном русском языке имеет прямое значение, которое определяется, например, в «Большом толковом словаре» дефиницией «осуществляемый путём насилия, принуждения», а существительные *насилие* и *принуждение* относятся к лексико-грамматическому классу слов, обозначающих действия, объектом которых выступает третье лицо и которые не предполагают возвратного характера.

В настоящем разделе рецензии выше показано также, что итоговый вывод эксперта по вопросу № 1 в части приписывания действиям, к которым автор побуждает свою аудиторию, свойства быть совершаемыми «по мотивам политической ненависти или вражды», наследует от соответствующего вывода свойство не быть обоснованным.

А ложный промежуточный вывод о побудительном характере того списка ненасильственных методов борьбы, который комментировал в одной из исследованных экспертами видеофонограмм Е. С. Жуков, приводит эксперта А. П. Коршикова к столь же **ложному обобщению** об агитационном характере работы Е. С. Жукова и, более того, к **необоснованному обвинению** Е. С. Жукова в том, что он прикрывает эту агитационность, манипулирует вниманием своей аудитории.

Таким образом, **итоговый вывод эксперта А. П. Коршикова по вопросу № 1:**

- **не может быть признан надлежаще обоснованным ни в какой из частей;**
- **не может быть признан достоверным.**

Описанное положение дел представляет собой **специальный** (научно-методический, лингвистический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу объективности исследования**, закреплённому ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...»).

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ

Обобщая изложенное, комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС приходит к следующим основным выводам.

1. Если исходить из предположения о наличии у эксперта А. П. Коршикова, отвечавшего на сугубо лингвистический вопрос № 1, специальных знаний в области лингвистики, можно констатировать, что

эксперт А. П. Коршиков, обладающий специальной компетенцией, частично соответствующей вопросу № 2, в исследованиях по этому вопросу никакого участия не принял. Описанное положение дел свидетельствует о наличии в действиях эксперта А. П. Коршикова специальных (экспертологических) признаков **прямого грубого нарушения** при производстве экспертизы **принципа полноты** судебно-экспертного исследования, закрепленного ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования... в полном объеме») и ст. 16 указанного закона, устанавливающей **обязанность эксперта провести полное исследование** представленных ему объектов и материалов дела.

В противном же случае (предположение о наличии у эксперта А. П. Коршикова специальных знаний в области лингвистики является ложным) то обстоятельство, что указанный эксперт единолично произвел исследование по относящемуся к компетенции лингвистов вопросу № 1, следует рассматривать как научно-методический признак **прямого грубого нарушения** экспертом А. П. Коршиковым при производстве экспертизы **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, закрепленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями», «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...»).

2. Производство экспертом А. М. Осокиной комплексного анализа устной речи в рамках исследования по поставленному перед экспертами вопросу № 2 в формате единоличного экспертного исследования является недопустимым с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности, представляет собой научно-методический признак **грубого нарушения нормы ст. 23 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**, определяющей **комплексную** судебную экспертизу как частный случай **комиссионной** судебной экспертизы, реализующийся в ситуациях, когда экспертное исследование должно быть проведено комиссией экспертов разных специальностей.

3. Данное экспертом А. П. Коршиковым в рецензируемом заключении обозначение **«методов исследования»** является **неточным и неполным; часть заявленных методов в языкознании отсутствует.**

Описанное положение дел препятствует верификации полученных в ходе экспертизы результатов и представляет собой **специальный (научно-методический) признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу проверяемости выводов** эксперта, закреплённому ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

4. Указание относящегося к области психологии метода интен- анализа, разработанного в Центре психологии речи и психолингвистики

Института психологии Российской академии наук под руководством Т. Н. Ушаковой и Н. Д. Павловой, предназначенного для диагностики особенностей сознания человека, продуцировавшего тот или иной текст, в числе применяемых экспертом-лингвистом А. П. Коршиковым методов представляет собой специальный (экспертологический и лингвистический) признак **прямого грубого нарушения** экспертом А. П. Коршиковым при производстве экспертизы **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

5. Отсутствие в рецензируемом заключении описания проведенных экспертом А. П. Коршиковым специальных исследований, по результатам которых экспертом был получен промежуточный вывод о том, что «в обращениях Жукова Е.С. отчетливо прослеживается мотив политической ненависти или вражды к действующей власти», представляет собой **специальный (экспертологический) признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу проверяемости выводов** эксперта, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

6. Суждение (промежуточный вывод) эксперта А. П. Коршикова, согласно которому «в обращениях Жукова Е.С. отчетливо прослеживается мотив политической ненависти или вражды к действующей власти», **не является обоснованным.**

Отсылка к этому промежуточному выводу, которая наблюдается в подразделе 4.2 рецензируемого заключения, оказывает на итоговый вывод эксперта существенное влияние, позволяя ему утверждать, что все действия, к которым Е. С. Жуков призывает свою аудиторию, должны совершаться «по мотивам политической ненависти или вражды». Соответственно, **итоговый вывод эксперта по вопросу № 1** в указанной части **наследует** от рассматриваемого промежуточного вывода **свойство не быть обоснованным**.

7. Установление мотива «политической ненависти или вражды» (а именно установлением этого мотива де-факто занимается эксперт А. П. Коршиков в подразделе 2 раздела «Лингвистическое исследование» рецензируемого заключения) не является существенным для данного уголовного дела.

Описанное положение дел расценивается рецензентами как специальный научно-методический (с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) признак **несоответствия** рецензируемого заключения **задаче судебно-экспертной деятельности** — оказанию содействия суду в **установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**.

8. Суждение (промежуточный вывод) эксперта А. П. Коршикова «В обращениях Жукова Е.С. содержатся призывы к борьбе с действующей властью в России» является обоснованным. При этом следует осознавать, что эксперт **фактически отождествляет понятия публичный призыв и любое выраженное в публичном речевом акте побуждение, за исключением побуждения к бездействию**.

Соответственно, **оценка достоверности** данного вывода находится в исключительной зависимости от того, готово ли лицо, производящее такую оценку, согласиться с принятым экспертом определением призыва как любого выраженного в публичном речевом акте побуждения, за исключением побуждения к бездействию. Такое определение делает область призывов **неоправданно широкой**, что **снижает оценку достоверности** данного вывода.

9. Проведенная комиссией специалистов верификация вывода эксперта А. П. Коршикова о том, что «в обращении Жукова Е.С. в видеозаписи «МИТИНГ 7 ОКТЯБРЯ, ИЛИ КАК СЛИВАЮТ ПРОТЕСТ-GwcWfXHRjq4» с позиции лингвистической квалификации содержится призыв к борьбе с властью в России с произвольным выбором форм протеста, что включает в себя и действия насильственного характера, в частности, насильственный захват власти, вооруженный мятеж», показала, что указанный вывод:

- основан на неполном анализе наблюдаемых речевых фактов и получен в результате грубой ошибки, относящейся к описанному в судебной экспертологии классу, в связи с чем **не может быть признан надлежаще обоснованным**;
- прямо противоречит наблюдаемым речевым фактам, в связи с чем **не может быть признан достоверным**.

Описанное положение дел представляет собой **специальный** (экспертологический, лингвистический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу полноты экспертного исследования**, закрепленному ст. 8 закона «О государственном судебно-

экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования... в полном объеме»), а равно **принципу объективности исследования**, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...»).

10. Итоговый вывод эксперта А. П. Коршикова по вопросу № 1:

- не является надлежаще обоснованным ни в какой из частей;
- не является достоверным.

Описанное положение дел представляет собой **специальный** (экспертологический, лингвистический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу объективности исследования**, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...»).

11. С учетом изложенного, заключение экспертов А.П.Коршикова и А.М.Осокиной № 3/458 от 01.09.2019 г., составленное по результатам исследований, проведенных на основании постановления следователя Габдулина Р.Р. от 22.08.2019 г. по уголовному делу 11902450046000029 о назначении комплексной судебной экспертизы, производство которой поручено экспертам Института криминалистики ЦСТ ФСБ РФ,

НЕ соответствует специальным (научно-методическим, лингвистическим, лингвоэкспертным) требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ.

Члены комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС:

**Председатель Правления ГЛЭДИС,
действительный член Гильдии,
академик РАЕН,
доктор филологических наук,
профессор**

М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ

**Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член Гильдии,
начальник научно-методического отдела
ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук**

И.В. ЖАРКОВ

**Действительный член Гильдии,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики
Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова**

Е.С. КАРА-МУРЗА

**Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член Гильдии,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовой
коммуникации филологического
факультета Российского
университета дружбы народов**

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ЗАВЕРЯЮ:

Н.Ю.МАКСИМОВА,
*член Правления Гильдии,
координатор кадровой работы Гильдии*

М.П.

